

Марина
Степнова

——
**СТРАННЫЕ
ЖЕНЩИНЫ**
——

Марина
Степнова

Хирург

Роман

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

С79

Художник ВИКТОРИЯ ЛЕБЕДЕВА

Издательство благодарит литературное агентство

“Banko, Gouten & Smirnova” за содействие в приобретении прав

Степнова, Марина Львовна.

С79 Хирург : роман / Марина Степнова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 316, [4] с. — (Марина Степнова: странные женщины).

ISBN 978-5-17-126880-0

“Хирург” — ранний роман Марины Степновой, автора книг “Сад”, “Женщины Лазаря” (премия “Большая книга”), “Безбожный переулочек” и “Где-то под Гроссето”.

История гениального пластического хирурга Аркадия Хрипунова переплетена с рассказом о жизни Хасана ибн Саббаха — пророка и основателя государства исмаилитов-низаритов XI века, хозяина неприступной крепости Аламуг. Хрипунов изменяет человеческие тела, а значит — и судьбы. Даруя людям новые лица, он видит перед собой просто материал — хрящи да кожу. Ибн Саббах требует беспрекословного повиновения и собственноручно убивает неудобных. Оба чувствуют себя существами высшего порядка, человеческие страсти их не трогают, единственное, что способно поразить избранных Богом, — земная красота...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-126880-0

© Степнова М.Л.

© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

Часть первая

Имя

9

Часть вторая

Промысл

57

Часть третья

Деяние

157

Часть четвертая

Жертва

241

Хрипунову плевать было на людей.
Хрипунов хотел стать Богом.
Что нужно человеку, решившему
стать Богом?
Имя.
Промысл.
Деяние.
Жертва.
Все это было у Хрипунова.
И он стал Богом.
Он. Им. Стал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Имя

Иглы. Искривленные режущие с тонким лезвием. Искривленные реверсивные режущие. Полукруглые режущие, суживающиеся к концу. Сверхизогнутые режущие. Режущие, суживающиеся к концу “грубые” в виде рыболовного крючка. Прецизионные, реверсивные режущие изогнутые. Прямые режущие. Троякарные полукруглые “грубые”

Аркадий Хрипунов — это звучало, как будто кто-то раздавил в кулаке грецкие орехи. Хорошо это звучало — Хейман Штейнталь наверняка остался бы доволен, если бы, конечно, хрипуновская мама была способна произнести слово “ономатопэтическая”. Но она, слава богу, была не способна — она родилась счастливой и умерла счастливой, всю жизнь мирно проносив в немудреной крови неведомую генетическую червоточину.

Ей повезло.

Хрипунову — нет.

Вообще-то, хрипуновский папа хотел назвать сына Ванюшкой. Хрипуновская мама не возражала — она была внучкой, дочкой и женой заводских алкоголиков, это, знаете ли, больше, чем психология, — это судьба. И быть бы Хрипунову банальным Иваном, жить в бараке, пить беленькую, погибаться на заводе да укачивать на ночь каменистой ладонью застарелый злой цирроз, если бы не два человека — Аркадий Гайдар и Хасан ибн Саббах.

Про первого хрипуновская мама что-то слышала в школе — но забыла. И не вспомнила бы, если б хрипуновский папа в одно прекрасное утро не взвесил мрачным взглядом неподъемное женино пузо, чреватое будущим наследником, и не пошел в завком — орать и бить кулаком по растрескавшейся полировке крепкого начальственного стола. Завком дрогнул под натиском дистиллированной пролетарской ярости и через месяц одарил ожидающую приплода чету ордером на двухкомнатную темную конуру на первом этаже облезлого дома — купеческой еще, стародавней, окраинной постройки. Именовалось все это великолепиие: ул. Дружбы, д. 39, кв. 12.

До Хрипуновых в квартире проживали евреи, вполне советские, мирные, ручные — в микрорайоне ими даже гордились, как местной достопримечательностью, потому как никакой другой экзотики поблизости сыскать было нельзя — а евреи вот они, они всегда под рукой. Местная урла евреев не обижала, но пару раз в месяц аккуратно била им все окна. Не по злобе, а потому что на звездный звон и хруст

медленно падающих в ночь стекольных пластов выскакивало из освещенного розового нутра квартиры сразу все еврейское семейство, включая полоумную старуху Марию Исааковну, лет пятьдесят преподававшую в местной СОШ № 5 русскую литературу. И в этом ломком звоне и хрусте, в этих гортанных выкриках, в этом внезапном появлении из света в глухую, лопочущую листвою темноту было столько волшебного, завораживающего, почти театрального, что урла потрясенно замирала в ближайших кустах, ощущая, как сладко и томительно сосет под ложечкой странная, вращающаяся пустота.

Потом бархатный занавес медленно опускался, обдав зрителей тяжелым пыльным вздохом, и урла, слегка стесняясь пережитого катарсиса, вылезала из кустов и враскачку шла к волшебной квартире — цыкать зубом и принимать от профессионально глухой и профессионально же приветливой Марии Исааковны дежурный стаканчик — мутненький, граненый, в мирное время простодушно служивший еврейскому семейству пристанищем для детских цветных карандашей.

Как же, Марисакна, спасибочки, все помню — “жы” пиши с буквой “ы”, “чу” пиши и все такое. И не говорите — скока развелось кругом хулиганья! А Костик-то? Не, все сидит, да... Он бы живо их, того... Ну, в смысле... чё, сёдни будем вставлять или до завтра переможетесь?

Зимой, заметьте, стекла не били никогда. Понимали. Деликатно терпели до весны — одинокие, угрюмые, низкорослые, тоскующие без единствен-

ного в мире по-настоящему прекрасного чуда. Алкали душой. Жаждали. Ждали.

Пока не дождались суетливого исхода, деревянных ящичков, чемоданов, неопрятных узлов, которые всё выносили и выносили из подъезда, как будто там, в квартире, был бесконечный морг, который потребовалось срочно освободить к ноябрьским праздникам. И не успела захлопнуться за евреями государственная граница, как в брошенное жилище въехали Хрипуновы.

Квартира, манившая своим кукольным застельным уютом всю местную шпану, лежала, вскрытая, как разоренный курган, жалко выставившая на всеобщий обзор вспоротое брюхо и предсмертно перемешанные культурные слои. Рассохшиеся доисторические резинки, стискивавшие чьи-то выпуклые пахучие ляжки, очёски седых скрипучих волос, накрест схваченные бечевкой, пачки школьных тетрадей, молоток, еще столетие назад потерявший деревянную ручку, какие-то ломкие от старости облигации довоенного займа, изувеченные игрушки и даже не пожелавшая эмигрировать мельхиоровая ложечка, дальновидно шмыгнувшая под плинтус, откуда ее ловко извлек веселый грузчик, нанятый Хрипуновым заносить шкаф и буфет. Извлек и с профессиональной ловкостью уронил в карман, мимоходом вытирая о штаны пыльные пальцы: грязно оказалось у евреев, просто тихий ужас, настоящий свинарник, и видно, что не потому грязно, что укладывались, а потому, что сроду не убирались по-человечески. Ни разу за все свои шесть тысяч лет.

Хрипуновский папа мрачно матерился, надавая плечом, надсаживаясь, вставляя в простенок продавленный супружеский диван (когда-то красный, теперь просто потертый до цвета благородного бордо), на котором был в свое время зачат по пьяному шалому делу маленький Хрипунов, на который маленький же Хрипунов перебрался, когда перерос свою детскую зарешеченную кроватку, и на котором — спустя энное количество лет — хрипуновскому папе предстояло умереть. От цирроза, разумеется. А от чего еще умирают простые русские люди?

Всех глухо злила эта годами пластовавшаяся грязь, эта изнанка чужой, неинтересной жизни — и хрипуновского папу, и грузчика, и хрипуновскую старенькую мебель, не желавшую втискиваться в непривычное пространство, пропитанное ароматами неопрятной старости и просроченных специй. Даже маленький Хрипунов изнутри толкал негодующей ногой красную, до звона натянутую стенку матки.

И только хрипуновская мама, придерживая двумя руками тугое, выпуклое, байковое пузо, бродила среди осиротевших вещей с плывущим от умиления лицом и изумленно тарасилась выпученным пупком то на выпотрошенную, зияющую малиново-бархатным нутром готовальню, то на валяющуюся на полу детгизовскую книжку, вполне крепенькую, лишь чуть, самую малость, потрепанную по обшлагам.

“Аркадий Гайдар, «Голубая чашка»” — она не спешила проехалась взглядом по названию, произвольно пришептывая (как будто помогая себе читать)